

М.Г. Алмазов

НИКОЛАЙ II И ПОДАВЛЕНИЕ МОСКОВСКОГО ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 1905 г.

M.G. Almazov

NICHOLAS II AND SUPPRESSION OF THE MOSCOW ARMED UPRISING 1905

Аннотация. Предметом исследования в статье является участие Николая II в руководстве деятельностью российского правительственного аппарата в ходе подавления Московского вооруженного восстания 1905 г., целью — выявление реального вклада императора в борьбу с революционным выступлением. В историографии эта тема, несмотря на усилия ряда исследователей, не получила комплексного рассмотрения. В данной статье впервые на основе делопроизводственной документации (докладные записки) и материалов личного происхождения (дневники, мемуары, письма) делается попытка определить степень информированности императора о событиях в Москве и факторы, от которых она зависела. Было установлено, что основным вкладом Николая II в разгром восстания стало принятие 13(26) декабря 1905 г. решения об отправке подкреплений в Москву. Автор пришел к выводу, что информация о ходе вооруженного выступления, поступавшая к императору, имела специфический характер: будучи неплохо осведомленным об основных событиях «мятежа», монарх имел завышенное представление о численности полицейских и солдат в Первопрестольной столице и противостоявших им революционеров. Это было обусловлено кризисным положением административной и военной власти в Москве, в результате чего руководство города часто получало недостоверные сведения; стремлением московского руководства представить обстановку в Первопрестольной в более благоприятном для себя свете перед санкт-петербургским начальством; имевшей место передислокацией вооруженных сил (массовая отправка боеспособных солдат на Дальний Восток вследствие отсутствия подготовленных резервов и т.д.). Возможно, сыграли свою роль и придворные интриги. Сказалась и такая черта руководящего стиля Николая II, как стремление возложить решение конкретных задач на от-

Алмазов Михаил Григорьевич, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории России XIX века — начала XX века исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Almazov Mikhail Grigor'evich, PhD Candidate in History, Assistant Professor, Department of the History of Russia in the Nineteenth – Early Twentieth Centuries, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

+7-925-686-05-73; vnm128@mail.ru

ветственных исполнителей, а за собой оставить лишь общий контроль над ситуацией. В результате император не отправил войска в Москву во время возмущения в Ростовском полку 2–4 (15–17) декабря (что могло бы предотвратить восстание) и принял решение о посылке Семёновского полка, лишь когда пик выступления, унесшего жизни многих москвичей, был пройден.

Ключевые слова: революция 1905–1907 гг., московский генерал-губернатор, дворцовый комендант, председатель Совета министров, Семёновский полк, Д.Ф. Трепов, Ф.В. Дубасов, С.Ю. Витте.

Abstract. The article examines Nicholas II's participation in Russian government during suppression of the Moscow armed uprising in 1905 and his contribution to this process. In historiography, this topic, despite the efforts of a number of scholars, has not been comprehensively studied. For the first time, on the basis of clerical documents (staff reports) and personal sources (diaries, memoirs, letters), the author attempts at determining the degree of the emperor's awareness of the events in Moscow and the factors on which it depended. Nicholas II's major contribution to the defeat of the uprising was the decision to send reinforcements to Moscow on 13 (26) December 1905. The author concludes that the information regarding the progress of the armed uprising, which the emperor received, was of a specific nature. While being well informed about the main events of the "revolt", the emperor had an exaggerated idea of the number of police officers and soldiers in the first capital and the number of revolutionaries opposing them. This was due to the crisis of administrative and military power in Moscow, which often resulted in getting unreliable information by the city's government. It was also determined by the desire of this government to present the situation in Moscow to St. Petersburg authorities in a favorable light for themselves and by the relocation of the armed forces (the sending of combat-ready soldiers to the Far East due to the lack of trained reserves, etc.). Perhaps court intrigues also played a role. The decision making was also affected by such a feature of Nicholas II's administrative style, as entrusting specific tasks to those in charge and retaining the overall control of the process for himself. As a result, the emperor did not send the troops to Moscow during the insurrection in the Rostov regiment on 2–4 (15–17) December, which might prevent the uprising, and decided to employ the Semenovskiy regiment when its peak had passed and many Muscovites had been dead.

Keywords: Revolution of 1905–1907, Governor-General of Moscow, palace commandant, Chairman of the Council of Ministers, Semyonovskiy regiment, D.F. Treпов, F.V. Dubasov, S.Yu. Witte.

* * *

Предметом исследования в данной статье является участие императора Николая II в процессе подавления Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. Данная тема не получила подробного освещения в историографии: историки, как правило, фактически разделяли мнение о пассивности монарха в эти дни и решающей роли С.Ю. Витте в высылке подкреплений московскому

генерал-губернатору Ф.В. Дубасову¹. Так, Н.Н. Яковлев в свое время лишь упоминал об одобрении Николаем II карательных мер администрации Первопрестольной столицы².

Наиболее развернутую попытку анализа роли царя в разгроме Декабрьского восстания предприняли В.Н. Сторожев и А.И. Куксин. В.Н. Сторожев на основании анализа дневниковых записей монарха сделал выводы о «своеобразии реагирования Николая на явления действительности» и о том, что «он многого не знал, а многое знал лишь превратно» (однако конкретных фактов, демонстрирующих, почему взгляд царя на политические события был своеобразным, а его знания о них — недостаточными и превратными, он не привел)³. А.И. Куксин, напротив, высказал мысль о хорошей осведомленности Николая II о ходе событий в Москве (в качестве аргумента он привел лишь факт получения императором докладных записок от управляющего МВД П.Н. Дурново, без анализа их содержания)⁴.

С.В. Тютюкин в исследовании, посвященном 100-летию юбилею революции 1905–1907 гг., отмечал интерес императора к событиям Декабрьского восстания, приводя в качестве примера запись в его дневнике от 11 (24) декабря о «страшном побоище между войсками и революционерами»; при этом он фиксировал роль императора и великого князя Николая Николаевича в решении вопроса об отправке подкреплений, но пальму первенства по традиции отдавал Витге⁵.

Между тем вопрос о том, на основании каких факторов Николай II распорядился выслать подкрепления московским властям и что повлияло на оперативность принятия данного решения, остается открытым. Поэтому комплексное изучение вклада последнего российского императора в процесс разгрома Декабрьского восстания позволяет пролить свет на такие принципиально важные в ракурсе исследования российской истории начала XX в. проблемы, как эффективность механизма управления в чрезвычайных условиях революции, возможность самодержца действительно контролировать работу ведомств, особенности стиля руководства Николая II.

¹ Шатина Н.В. Местный административный аппарат самодержавия в борьбе с Первой русской революцией (На примере Москвы). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1989. С. 116; Первая революция в России. Взгляд через столетие. М., 2005. С. 363.

² Яковлев Н.Н. Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957. С. 170.

³ Сторожев В.Н. Декабрьское вооруженное восстание // Декабрьское восстание в Москве 1905 г. Иллюстрированный сборник статей, заметок и приложений / Под ред. Н. Н. Овсянникова. М., 1919. С. 73.

⁴ Куксин А.И. Боеготовность русской армии и военно-окружной аппарат в начале XX века (1904–1913 гг.) (по материалам Московского военного округа). Дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. С. 125–126.

⁵ Первая революция в России. С. 369, 372.

Впервые монарх обратился к вопросу о присылке подкреплений в Москву 3(16) декабря 1905 г., когда военный министр А.Ф. Редигер представил ему телеграмму и рапорт командующего войсками Московского военного округа (далее — МВО) генерала от инфантерии Н.Н. Малахова от 2(15) декабря, касавшиеся бунта, вспыхнувшего в этот день во 2-м Ростовском гренадерском полку, в ходе которого большая часть солдат отстранила офицеров от командования и выдвинула ряд требований, в основном касавшихся улучшения условий службы нижних чинов⁶. Дальнейшие действия императора рассматривались в историографии⁷, однако без постановки вопроса о степени его осведомленности о событиях в Москве (без чего сложно понять их адекватность ситуации). Для выяснения этого нужно рассмотреть содержание посланий Н.Н. Малахова. В телеграмме генерал извещал военного министра о «мятеже», вспыхнувшем в Ростовском полку, причем указывал, что восставшие нижние чины вооружились, «но оружием не действовали», а остальной гарнизон, по циркулировавшим слухам, был готов к вооруженному выступлению. В рапорте также указывалось, что солдаты полка сосредоточились в казармах, находившихся под надзором часовых, избранных руководителями «бунта», причем, по данным командующего МВО, нижние чины не собирались «прибегать к насилию» в случае обеспечения их безопасности. Верной командованию оставалась пулеметная рота, солдаты которой, правда, «не могут сохранить пулеметы в своих руках». По мнению Малахова, движение имело чисто «политическую подкладку». Генерал также сообщал военному министру «имеющиеся еще не проверенные сведения» о возможности присоединения к повстанцам четырех полков московского гарнизона и высказывал опасение по поводу «вероятной организованной революционной пропаганды в войсках». Ввиду вышеперечисленного, а также малочисленности воинских сил в Москве, Малахов запрашивал присылки «не менее двух гвардейских пехотных полков и одной артиллерийской бригады»⁸.

Таким образом, из данных сообщений император мог узнать, что московское военное начальство допустило бунт в одном из полков, не сумело его подавить и опасается выступления еще четырех

⁶ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 516; Первая революция в России. С. 516

⁷ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 116; Sanders J. The Moscow uprising of December 1905. New York, 1987. P. 702, 710.

⁸ Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь — декабрь 1905 г. Ч. 1. М., 1955. С. 613–614

полков и «вероятной организованной пропаганды в войсках» (большого командование войсками Первопрестольной столицы было, видимо, не в состоянии сообщить из-за неэффективности попыток наладить сбор сведений о революционном брожении в гарнизоне и борьбу с ним)⁹, причем оставшуюся верной пулеметную роту оно так и не смогло эффективно использовать. Содержавшиеся в отчете Малахова сведения о малочисленности войск в Москве носили слишком общий характер, чтобы вызвать серьезное беспокойство царя. Дело в том, что Николай II и его окружение были не в курсе динамики укомплектованности личным составом частей, расквартированных в Первопрестольной столице. По данным штаба МВО, только в пехотных полках числилось: на 1(14) октября — 10 491 человек, а на 25 ноября (8 декабря) — 7075 человек¹⁰. Видимо, руководство страны отдавало себе отчет в том, что состояние гарнизона Первопрестольной изменилось к худшему вследствие массовой демобилизации после завершения русско-японской войны 1904–1905 гг.¹¹, но всё равно не представляло реального положения, на которое оказывали влияние и другие проблемы (достаточно высокая доля новобранцев, забракovaných по состоянию здоровья войсковыми комиссиями¹², отправка боеспособных военнослужащих на усиление действующей армии на Дальний Восток вследствие отсутствия подготовленных резервов¹³, использование значительной части нижних чинов (от 650 до 800 человек на полк) на нестроевые надобности (хлебопеки, кашевары, каптенармусы и т.д.), обучение новобранцев и несение караулов по городу¹⁴). Видимо, по этой причине возмущение в Ростовском полку не обеспокоило монарха: он не обмолвился о нем в дневнике, а в письме матери, вдовствующей императрице Марии Фёдоровне, охарактеризовал бунт ростовцев как «глупейший»¹⁵. При этом, судя по тем же записям, царь остро переживал «беспорядки» в армии, выступал сторонником их немед-

⁹ РГВИА. Ф. 13495. Оп. 1. Д. 183. Л. 201 об.; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 326 об., 334; Высший подъем... С. 607. См. также: Мельников А.Б. Революционное движение в московском гарнизоне в период Декабрьского вооруженного восстания // Исторические записки. Т. 49. М., 1954. С. 269; Sanders J. Op. cit. P. 667–668.

¹⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1114. Ч. 2. Л. 46; Оп. 1. Д. 576. Л. 308.

¹¹ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 302; Революция 1905 года и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 32.

¹² РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 217. Л. 3.

¹³ Из истории московского вооруженного восстания. Документы и материалы. М., 1930. С. 46.

¹⁴ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 2. Д. 1113. Л. 27 об., 29.

¹⁵ Дневники императора Николая II (1894–1918). Т. 2: 1905–1918. Ч. 1: 1905–1913. М., 2013. С. 73; Переписка императора Николая II с матерью — императрицей Марией Фёдоровной (1894–1917). М., 2018. С. 569.

ленного и жесткого подавления, а также противодействия революционной пропаганде в воинских частях¹⁶.

Необходимо учитывать, что в это время Николай II при прочтении докладных записок управляющего МВД П.Н. Дурново узнавал о не менее серьезных событиях в других регионах империи: о подготовке в Санкт-Петербурге вооруженного восстания и «Финансового манифеста», открытом выступлении крестьянского населения Лифляндской и Эстляндской губерний против помещиков-немцев, повсеместных солдатских волнениях и т.д.¹⁷

Следует учитывать и такую черту стиля руководства царя, как стремление возложить разрешение конкретных вопросов на ответственных за это исполнителей, а за собой оставить общий контроль над ситуацией. Так, по мнению императора, непосредственной разработкой и претворением в жизнь мер по борьбе с революцией должен был заниматься правительственный аппарат во главе с председателем Совета министров С.Ю. Витте¹⁸. Естественно, что массовые «беспорядки, последовавшие за выходом Манифеста 17 октября 1905 г., воспринимались Николаем II как следствие недостаточной решительности власти (так, он писал матери 10(23) ноября, что «никто у нас не привык брать [ответственность] на себя»)¹⁹.

Этими факторами и объясняется реакция Николая II на информацию, сообщенную Малаховым. Император наложил резолюцию, в которой предложил военному министру переговорить с главнокомандующим войсками гвардии и Петербургского военного округа (далее ПВО) великим князем Николаем Николаевичем на предмет, «возможно ли оказать помощь отсюда» (из Санкт-Петербурга. — М.А.). Предложил царь и способ покарать «мятежников»: «арестовать зачинщиков-вольноопределяющихся» и затем расстрелять их по приговору военного суда, поскольку «действие будет потрясающее»²⁰. Таким образом, Николай II передавал решение вопроса о подкреплениях в руки своего двоюродного дяди, а московское военное начальство (к заявлениям которого скорее всего он отнесся критически) недвусмысленно призывал к жестким самостоятельным действиям. Итог данного повеления известен: великий князь Николай Николаевич, опасавшийся ослабления гарнизона

¹⁶ Дневники императора Николая II. С. 67, 70; Переписка императора Николая II... С. 559–560.

¹⁷ Высший подъем... С. 54–60.

¹⁸ Переписка императора Николая II... С. 558, 564.

¹⁹ Там же. С. 557–558, 560, 567.

²⁰ РГВИА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 569. Л. 1.

Санкт-Петербурга²¹, категорически отказался посылать войска в Москву, предложив Редигеру отправить вместо них шефа Ростовского полка — великого князя Михаила Александровича, что было в свою очередь отклонено императором под предлогом слабого здоровья брата²². В результате, по признанию Редигера, «относительно посылки войск в Москву тогда ничего не было решено», а царь, видимо, успокоился после получения телеграммы от Малахова, что «бунт» в Ростовском полку (имевший скорее экономическую, чем политическую «подкладку») прекратился, «войска кричат «ура» державному вождю»²³. Между тем санкционированный императором отказ главнокомандующего войсками ПВО от посылки подкреплений в Москву сыграл роль в принятии московскими революционерами, преувеличивавшими распространенность революционных настроений среди солдат московского гарнизона, решения начать 7(20) декабря новую всеобщую стачку, перешедшую 9–10(22–23) декабря в вооруженное восстание (что могло бы, как представляется, быть предотвращено прибытием в Первопрестольную столицу свежих и верных императору частей)²⁴.

Среди мемуаристов самый развернутый рассказ о действиях Николая II по подавлению Декабрьского «мятежа» оставил С.Ю. Витте. В двух рукописных очерках 1909 и 1911 гг. (содержащих противоречивые сведения) он утверждает, что император подключился к решению данной проблемы только с подачи московского генерал-губернатора Ф.В. Дубасова (по версии 1909 г. якобы напрямую обратившегося в «Царское Село») и самого премьера, чьего содействия запросил глава Москвы. Согласно Витте, он связался по телефону с дворцовым комендантом Д.Ф. Треповым, обрисовав тяжелое положение власти в Первопрестольной столице и поставив вопрос об отправке подкреплений Дубасову. Затем комендант перезвонил премьеру (когда это точно произошло, из

²¹ Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 300–301, 400; Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516; Sanders J. Op. cit. P. 710.

²² Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 516–517. См. также: Шатуна Н.В. Указ. соч. С. 116; Sanders J. Op. cit. P. 702.

²³ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517; Революция 1905 года и самодержавие. С. 178; Высший подъем... С. 618–619; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 134–135. Видимо, известие о прекращении «бунта» оказало настолько успокаивающее действие на Николая (с 5(18) декабря занятого руководством Особым совещанием о выборах в Государственную думу), что он не претворил в жизнь своего первоначального замысла: отставки престарелого Малахова с поста командующего войсками МВО (возможно, что, отказавшись от идеи сделать военачальника генерал-адъютантом, царь решил обдумать его последующую судьбу) (Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 517).

²⁴ Bushnell J. Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906. Bloomington, 1985. P. 127–128.

текста мемуаров понять невозможно: в очерке 1909 г. Витте указывает, что это случилось «к вечеру», а сам он звонил днем, в версии 1911 г. — «в самом коротком времени», из чего можно заключить, что и звонок председателя Совета министров был совершен вечером) и передал просьбу императора «уговорить» великого князя Николая Николаевича послать войска в Москву. При разговоре с премьером главнокомандующий войсками ПВО, как следует из воспоминаний, предсказуемо занял решительную позицию не отправлять из Петербурга ни одной части, как вдруг его адъютант, «уже когда было за полночь», представил собственноручную записку Николая II, в которой последний «просил» двоюродного дядю о снаряжении военной экспедиции в Москву. Таким образом, несмотря на упоминание того факта, что Николай II самостоятельно отдал распоряжение великому князю, из текста следует, что именно его (текста) автор был главным инициатором принятого решения. В рассматриваемых фрагментах Витте не скупится и на уничижительные выпады в адрес царя, якобы отдававшего неадекватные распоряжения (в очерке 1911 г. премьер специально отмечает, что монарх просил его «уговорить» Николая Николаевича (аттестуя этот приказ как «странный»), а в направленной великому князю записке содержался глагол «прошу»)²⁵.

Несмотря на подтверждение ряда приведенных фактов данными других источников (например, сведения о переговорах Витте и Николая Николаевича содержатся в дневнике генерал-квартирмейстера штаба войск гвардии и ПВО Г.О. Рауха)²⁶, информация, сообщаемая главой Совета министров, вызывает много вопросов, и прежде всего — о действиях императора в период с 7(20) до 13(26) декабря (поскольку премьер повествует о переговорах с Треповым и великим князем накануне отправки Семёновского полка в Москву, произошедшей 14(27) числа).

Настрой Николая на решительную борьбу с революционным движением в целом, на наш взгляд, подтверждается рядом свидетельств. А.Ф. Редигер сообщал, что 12(25) декабря, во время праздника лейб-гвардии Финляндского полка, шефом которого был цесаревич Алексей, император взял сына на руки и пронес его вдоль фронта, взяв, по собственному признанию, за образец изображение Николая I, выносившего великого князя Александра Николаевича перед солдатами лейб-гвардии Павловского полка в день восстания

²⁵ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 1. Рассказы в стенографической записи. Кн. 1. СПб., 2003. С. 179; Т. 2. Рукописные заметки. СПб., 2003. С. 300–301, 401–402.

²⁶ Дневник Г.О. Рауха // Красный архив. 1926. Т. 6. С. 90.

декабристов на Сенатской площади²⁷. Главноуправляющий Его Императорского Величества канцелярией по принятию прошений, на Высочайшее имя приносимых, барон А.А. Будберг, также выступавший в роли неофициального советника императора, 15(28) декабря после доклада по делам своего ведомства по предложению монарха обсуждал с ним ситуацию в империи²⁸. Наконец, анализ переписки царя с матерью тоже позволяет сделать вывод об искренней обеспокоенности монарха ростом революционного движения²⁹.

Для того чтобы понять, почему столь важное решение было принято монархом спустя несколько дней после начала баррикадных боёв в Москве, нужно выяснить круг принимаемых им лиц, которые могли сообщить сведения о ситуации в городе, и степень информированности императора по данному вопросу.

Впервые император был информирован о событиях «московской революции» 10(23) декабря. В своем дневнике он упомянул о приеме дворцового коменданта Трепова и о том, что «много занимался»³⁰. Согласно камер-фурьерскому журналу, в этот день Николай принимал Трепова два раза — «с докладом» в 7 часов и экстренно в полночь³¹. Судя по всему, в дневниковой записи император имел в виду первую аудиенцию, данную дворцовому коменданту, после которой он «занимался» с представленными бумагами. Известно, что 10 числа Трепов передал Николаю II доклад министра юстиции С.С. Манухина о положении в Москве, включавший донесение прокурора Московской судебной палаты В.Ф. фон Клугена. Из данного документа царь мог узнать, что 9(22) декабря положение в Москве было «тревожное» в связи с распространением забастовки; произошло столкновение манифестантов с полицией у дома генерал-губернатора и «толпы в 2000 человек» с войсками на Страстной площади, причем оба конфликта завершились победой правительственных сил. В телеграмме Клугена, включенной в доклад, также сообщалось о строительстве членами «боевой дружины» «баррикад и проволочных заграждений» на Садовой и Тверской улицах, а также о нападениях на войска, которые отвечали выстрелами. Доносил прокурор о разгоне митинга в саду «Аквариум» (8-го числа), о взрыве Охранного Отделения (при этом говорилось об одном убитом и двух раненых сотрудниках) и об осаде дома И.И. Фидлера, отмечая, что

²⁷ Редигер А.Ф. Указ. соч. С. 550.

²⁸ ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 11–11 об.

²⁹ Переписка императора Николая II... С. 557–558, 563–564, 567, 569–570, 572.

³⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

³¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 537.

осажденные «сдаются»³² Также в этот день в Департаменте полиции МВД была составлена записка, содержание которой, возможно, также было доложено императору. В ней рассказывалось об успешной осаде дома Фидлера (с указанием числа захваченных дружинников), взрыве Охранного отделения и о столкновениях правительственных сил и революционеров на Тверском бульваре и на Страстной площади (причем говорилось лишь о ружейной «стрельбе», но не об открытии по обывателям артиллерийского огня)³³.

Но зачем Николаю понадобилось принимать Трепова в полночь? Очевидно, дворцовый комендант сообщил ему какие-то экстренные сведения, полученные из Москвы. Подобное предположение подтверждается упоминанием самим Николаем в письме матери от 15(28) декабря, что «в первую ночь» восстания ему докладывали из Москвы о числе убитых и раненых «до 10 000 человек»³⁴. Можно допустить, что поводом для экстренного визита Трепова к царю стало доведение до его сведения информации о ходе столкновений в Москве войск и полиции с революционерами в течение 10(23) декабря, которую генерал-губернатор Ф.В. Дубасов сообщил управляющему МВД П.Н. Дурново по телефону (а впоследствии записал для памяти). Данное донесение вице-адмирала буквально дышало оптимизмом: извещая главу внутриведомственного ведомства о «бое пехотном и артиллерийском», Дубасов докладывал о полном поражении «толп», наступавших «по направлению к дому Генерал-Губернатора и Градоначальника» и об успешном разрушении баррикад артиллерией. Подытоживал свое сообщение руководитель Первопрестольной уверенным, что «войска работают превосходно, с примерной стойкостью», и рекомендацией известить императора, «что всё обойдется благополучно»³⁵. Последним сообщением, направленным Дубасовым управляющему МВД в этот день, стала телеграмма, в которой генерал-губернатор находил «более целесообразным дать сведения о положении назавтра утром»³⁶.

Вечером 11(24) декабря Николай II дважды принимал Трепова (до очередного доклада 15(28) декабря П.Н. Дурново, фактически

³² Высший подъем... С. 663.

³³ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 2450. Т. 2. Л. 61–61 об. Также 10(23) декабря в Департамент полиции поступили донесения агентов из Москвы о ходе уличных боев и циркуляции слухов о массовом недовольстве в войсках (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 85, 87, 88). Однако у нас нет никаких данных, что эти сведения были включены в записки, составлявшиеся для царя или председателя Совета министров.

³⁴ Переписка императора Николая II... С. 569.

³⁵ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве // Власть и общество в Первой российской революции. М., 2017. С. 45–46.

³⁶ ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 88.

превратившегося в главного информатора императора об обстановке в стране). Первая аудиенция состоялась в 7 часов (с «плановым» докладом)³⁷. Сложно сказать, обсуждал ли царь с дворцовым комендантом события в Москве. Можно лишь предположить, что последний довел до сведения монарха сообщение, переданное московским генерал-губернатором Ф.В. Дубасовым управляющему МВД П.Н. Дурново по телефону в час дня. Вице-адмирал докладывал о расположении баррикад «на новых и старых местах», их беспрепятственном строительстве, вызове в наряд по поддержанию порядка в городе всего гарнизона, собственном смутном представлении о том, «что будет дальше», но при этом заявлял, что революционеры «считают свое дело проигранным»³⁸.

Вторая аудиенция была дана Трепову в 11 часов, на этот раз — вместе с великим князем Николаем Николаевичем³⁹. В дневник царь занес информацию именно об этом приеме: «Принял Николашу и Трепова»⁴⁰. По всей видимости, поводом к созыву совещания послужило сообщение Дубасова, сделанное им управляющему МВД Дурново по телефону в 8 часов вечера, в котором генерал-губернатор заявлял, что в Москве «дело скверно», «кольцо баррикад всё суживается», а «борьба» власти с «мятежом» «становится бессильной», в связи с чем глава города просил у руководителя внутриведомственного ведомства ходатайствовать перед великим князем Николаем Николаевичем о присылке «бригады пехоты»⁴¹. Вероятно, с подачи Трепова, которому Дурново передал содержание телефонного разговора с Дубасовым, на совещании оказался и великий князь Николай Николаевич (в течение дня генерал-губернатор уже связывался с ним по телефону и отправил ему курьерским поездом личное письмо, которое «августейший» главнокомандующий войсками гвардии и ПВО получил 12(25) декабря)⁴².

Сведения о положении в Москве, которые император мог получить от дворцового коменданта, как представляется, можно реконструировать по записке, составленной в этот день в Департаменте полиции и направленной С.Ю. Витте⁴³. В ней сообщалось о стол-

³⁷ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 538 об.

³⁸ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 49.

³⁹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219 / 2728. Д. 21. Л. 538 об., 545.

⁴⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁴¹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 49.

⁴² РГИА. Ф. 1656. Оп. 1. Д. 89. Л. 1 об. – 2 об.

⁴³ В сборнике «Высший подъем революции 1905–1907 гг. в России» приводится неверная датировка данного документа: 15(28) декабря (С. 687). Обращение к материалам фонда Департамента полиции позволило корректно определить время составления записки (ГА РФ. Ф. 102. ОО. 1905 г. Оп. 233 а. Д. 1350. Ч. 26. Л. 93).

кновениях боевых дружин с полицией и войсками, строительстве повстанцами баррикад и обстреле последних «ружейным и артиллерийским огнем», причем указывалось, что революционеры понесли огромные потери в отличие от правительственных сил, в рядах которых насчитывалось лишь несколько убитых и раненых. Несмотря на это, согласно составителям записки, дружинники «в революционном фанатизме» к вечеру 11 декабря «усилили постройку баррикад», стремясь прервать сообщения между районами города. Но московские власти, как отмечалось в документе, уже успели распорядиться о необходимых мерах: градоначальник приказал сжечь ночью эти укрепления. Завершал записку пассаж о намерении генерал-губернатора Дубасова ввести со следующего дня военное положение «с целью объединить действия в руках одного общего начальника»⁴⁴. В пользу предположения об ознакомлении Николая II с данными, изложенными в рассмотренном выше документе, свидетельствует запись в его дневнике после упоминания о приеме Трепова и великого князя: «Вчера в Москве произошло настоящее побоище между войсками и революционерами. Потери последних большие, но точно не могли быть выяснены»⁴⁵. Воспроизведение императором этих фактов позволяет также сделать вывод, что на данном совещании продолжалось выяснение хода событий в предыдущий день восстания и в частности — уточнялись боевые потери революционеров (что было важно для получения представления императором о масштабах «мятежа»). По всей видимости, также обсуждалась возможность оказания помощи московским властям войсками ПВО, что должно было встретить возражения со стороны великого князя Николая Николаевича, доказывавшего опасность отправки какой-либо части из Санкт-Петербурга. Вероятно, главнокомандующий ПВО также поставил императора в известность о предстоявшей отправке 16-го пехотного Ладожского полка из Варшавского военного округа, так как формально он был отправлен «по Высочайшему повелению»⁴⁶.

За период с 12(25) декабря мы можем составить точное представление об объеме информации о московских событиях, получаемой императором, так как с этого числа в фонде дворцового коменданта сохранились докладные записки о них, оставленные самим Треповым или Дурново. 12(25) числа из сводки событий в Санкт-Петербурге и Москве, подготовленной дворцовым комендантом на основе сведений, полученных от управляющего МВД, Николай II узнал о разгроме типографии И.Д. Сытина (руководствуясь дан-

⁴⁴ Высший подъем... С. 687.

⁴⁵ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2603. Л. 237.

ными, представленными московским градоначальником бароном Г.П. Медемом, Дурново и Трепов пребывали уверенности, что она полностью разрушена, а «все находившиеся в оном [здании] погибли»), постепенном спаде накала баррикадных боев (в документе специально указывалось, что «открытых столкновений» дружинников с полицией и войсками не было, революционеры перешли к тактике нападений на отдельных солдат и городских и фактически отказались от обороны выстроенных баррикад). Также в данной записке упоминалось о распоряжениях, отданных Дурново московскому градоначальнику, о «разгроме» «парка конно-железных дорог, что около Язуы» (видимо, речь шла о Покровском парке конно-железных дорог), где, по сведениям Медема, «забаррикадировались» 3 тысячи рабочих (очевидно, барон сообщил Санкт-Петербургскому начальству непроверенную информацию: одним из центров революционного движения в период Декабрьского восстания был Миусский трамвайный парк, о чем Медем доложил генерал-губернатору Дубасову уже 13(26) декабря⁴⁷), и о принятии «той же меры» в отношении студенческого общежития» на Малой Бронной улице⁴⁸.

13(26) числа Трепов доложил Николаю II известие, сообщенное никем иным, как С.Ю. Витте, — о принятии конференцией 29 железных дорог (органом, объявившим с 7(19) декабря проведение железнодорожной стачки) решения о прекращении забастовки «ввиду громадных жертв, понесенных в Москве», причем отмечался далеко не всеобъемлющий характер стачки, в стороне от которой остался ряд железнодорожных узлов. О положении в Москве в этой докладной записке говорилось, что «баррикады снимаются», но вокзалы (за исключением Николаевского) по-прежнему находятся в руках «мятежников»⁴⁹. Судя по записям в камер-фурьерском журнале, Николай II принял Трепова в 4-м часу дня и половине 11-го часа вечера⁵⁰, что позволяет скептически отнестись к вышеупомянутому свидетельству Витте о дневном звонке в Царское Село, содержащему в очерке 1909 г.

Учитывая вышеизложенное, вполне обоснованными представляются впечатления императора о событиях в Первопрестольной столице за 12–13 числа, зафиксированные им на страницах дневника: «В Москве после крупных столкновений начались мелкие стычки и внезапные нападения на войска. Потери всё еще не выяснены»⁵¹.

⁴⁷ Высший подъем... С. 686–686.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 10. Л. 35–35 об.

⁴⁹ Там же. Л. 36.

⁵⁰ Там же. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554 об.

⁵¹ Дневники императора Николая II. С. 75.

Таким образом, 10–13(23–26) декабря 1905 г., в разгар Декабрьского вооруженного восстания, император Николай II постоянно получал о нем информацию, что, казалось бы, позволяет согласиться с мнением А.И. Куксина, и выражал обеспокоенность ситуацией (не ограничивавшуюся простым интересом к событиям). Однако дошедшие до него сведения в целом имели односторонний характер: царю докладывали о громадных потерях революционеров (до 10 000 человек), постепенном затухании борьбы с их стороны и успехах правительственных сил. Об объективно существовавших трудностях, с которыми столкнулась московская власть (малочисленность войск и полиции, не позволявшая взять под контроль огромный город с полутораmillionным населением), монарху не сообщали в сколько-нибудь целостной форме. В подобной ситуации император не мог не прийти к заключению о вполне благополучных перспективах борьбы с московской «революцией», выражая заинтересованность главным образом численностью убитых дружинников, что должно было помочь ему составить более верное представление о потенциале революционного движения. Таким образом, более близкой к истине представляется догадка В.Н. Сторожева, хотя, как было показано выше, «многое», о чем император не знал или имел превратное представление, имело весьма конкретную привязку: численность военно-полицейских сил и погибших революционеров. Если же говорить о своеобразии восприятия монархом московских событий, то следует вновь отметить стремление Николая II доверить разрешение конкретных вопросов ответственным за них лицам, а самому сохранить лишь общий контроль над их деятельностью: император так и не выразил желания переговорить с Дубасовым напрямую.

С чем была связана односторонность информации, получаемой главой государства?

Прежде всего, малая численность правительственных сил в Москве (так, городских, на момент восстания находившихся при исполнении служебных обязанностей, насчитывалось 1865 человек⁵², а пехотинцев, непосредственно участвовавших в «деле» против революционеров, — 1350 штыков⁵³) и их дезорганизованность (в ряде полицейских участков городские и околоточные оказались фактически в осаде из-за строительства баррикад⁵⁴) приводила к плохой

⁵² Декабрьское вооруженное восстание 1905 г. глазами сотрудников московской полиции / Публикация И.В. Говорова // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 183.

⁵³ Высший подъем... С. 751.

⁵⁴ «Дежурные» дневники московского градоначальства. 25 сентября — 2 января 1906 гг. // Материалы по истории революции 1905–1907 гг. / Под ред. И.С. Лесковой, Э.С. Коган. М., 1967. С. 117–119.

осведомленности местных властей о численности и боевом потенциале своих противников. В условиях использования дружинниками тактики партизанской войны (манёвренных действий небольшими группами) это крайне затрудняло формирование у московского начальства адекватного представления о реальных возможностях революционеров и побуждало многократно преувеличивать их. Не только в приведенных донесениях в МВД, но и в переписке друг с другом руководители московской администрации оперировали астрономическими цифрами в отношении численности дружинников: достаточно привести донесение Медема Дубасову от 13(26) декабря, будто в Миусском трамвайном парке сосредоточилось 2000 рабочих (в то время как на следующий день его обороняли от войск около 13 человек)⁵⁵. Подобные представления были широко распространены и в московском обществе: один домовладелец 12(25) декабря уверял Е.Я. Кизеветтер (жену известного историка и деятеля конституционно-демократической партии), что ему «известно из самого достоверного источника» о гибели 8000 революционеров (хотя, судя по дневнику этой же свидетельницы событий, в равной мере по городу циркулировали толки об огромных потерях в рядах войск)⁵⁶.

Не все московские руководители страдали подобной «гигантоманией» цифр: генерал-губернатор Дубасов (в вышеприведенных донесениях) и исправлявший должность губернатора В.Ф. Джунковский либо не сообщали в Петербург конкретных цифр, либо докладывали о незначительных потерях в «мятежных» рядах (глава губернии сообщал сестре Е.Ф. Джунковской, состоявшей при великой княгине Елизавете Фёдоровне, находившейся в то время в Царском Селе, о гибели всего 50 дружинников⁵⁷).

Однако вне зависимости от того, докладывали ли эти руководители в Петербург о массовом истреблении революционеров или нет, они, то ли в силу плохой осведомленности, то ли из стремления представить свои действия в более выгодном свете, изображали в донесениях борьбу с революционерами в оптимистичном ключе. Из вышеприведенных сообщений Дубасова по тональности выбиваются лишь телеграмма от 10(23) декабря, свидетельствующая о его затруднениях в плане характеристики ситуации, письмо великому князю Николаю Николаевичу с просьбой о присылке подкреплений

⁵⁵ Высший подъем... С. 678; Яковлев Н.Н. Указ. соч. С. 194.

⁵⁶ Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов (Из дневников Е.Я. Кизеветтер) // Российский архив. Вып. V. М., 1994. С. 341.

⁵⁷ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. 1905–1913 гг. М., 2018. С. 189; Записки графини Е.Л. Камаровской // Власть и общество в Первой российской революции 1905–1907 гг. Документальные свидетельства. С. 91.

и телефонный разговор с П.Н. Дурново вечером 11(24) числа, в ходе которого глава Москвы открыто демонстрировал тревогу. Однако уже на следующий день, беседуя с управляющим МВД, он деловито сообщал о принятых мерах: «превосходном» действии «стражи», которая «разобрала баррикады», о «деятельной» разработке плана взятия студенческого общежития на Малой Бронной (осуществленного на следующий день)⁵⁸, о захвате «60 членов боевой дружины в Богородске». Присылки подкреплений генерал-губернатор уже не требовал (видимо, удовлетворившись извещением, что в Москву выслан Ладожский полк) и лишь просил «дать» ему для организации следственных действий одного из ведущих специалистов в области политического сыска — П.И. Рачковского. Единственно, глава Москвы сообщал, видимо, в ответ на переданный Дурново запрос императора, что «привести в известность потери трудно». Подобная информация в сочетании с другими переданными им известиями вряд ли могла вызвать у адресатов серьезное беспокойство⁵⁹. Очевидно, что такие сообщения должны были оказывать на императора успокаивающее действие, особенно на фоне сложной обстановки во всей империи.

Сыграла роль и упоминавшаяся выше неосведомленность руководства страны о реальной численности московского гарнизона. Этим объясняется искреннее удивление, которое она вызвала у командира лейб-гвардии Семёновского полка полковника Г.А. Мина и генерал-лейтенанта барона Г.К. Штакельберга, прибывших в Первопрестольную столицу вместе с подкреплениями 15(28) декабря⁶⁰.

Наконец, поведение одного из самых доверенных лиц императора в 1905–1906 гг., дворцового коменданта Д.Ф. Трепова, также вызывает вопросы. Явно фантастические сведения о численности уничтоженных дружинников, доложенные Николаю II 10(23) декабря, Трепов, по свидетельству Е.Ф. Джунковской, активно сообщал придворной публике в Царском Селе, заверяя, что получил их от Дубасова⁶¹. Согласно записи в дневнике известного мыслителя-неославянофила А.А. Киреева, близкого к придворным кругам, подобную информацию дворцовый комендант распространял и позднее (сам Киреев квалифицировал ее не иначе, как «несомненно, вздор») ⁶². И после того, как император справедливо усомнился в колоссальной

⁵⁸ Высший подъем... С. 682.

⁵⁹ Ф.В. Дубасов о декабрьском вооруженном восстании в Москве. С. 51.

⁶⁰ НИОР РГБ. Ф. 307. П. 1. Ед. хр. 4. Л. 15; РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 10. Л. 365.

⁶¹ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

⁶² Киреев А.А. Дневник. 1905–1910 гг. М., 2010. С. 110.

цифре убитых революционеров, Трепов продолжал сообщать об их громадных потерях в ходе баррикадных боев. Дочь члена ЦК партии «Союз 17 октября» графиня Е.Л. Камаровская записала в дневнике со слов своей подруги М. Степановой, чей дядя, полковник М. П. Степанов, состоял при великой княгине Елизавете Фёдоровне, о сообщении дворцовым комендантом царю, что было «убито сегодня (какого конкретно числа, автор дневника не указала. — М. А.) до 3 т[ысяч] революционеров и до 5 т[ысяч] — взято арестовано» (в итоге это оказалось в разительном противоречии с данными, сообщенными Джунковским)⁶³. Подобная настойчивость могла бы быть объяснена беспокойством за жизнь царя и безопасность в империи, страхом перед ростом революционного движения. Однако этому противоречит сообщение Е.Ф. Джунковской в письме брату о злорадном настроении дворцового коменданта⁶⁴. Данное свидетельство (в достоверности которого нет веских причин усомниться) приобретает особое значение в свете хорошо известных фактов политической биографии Трепова за 1905 г.: последовательно демонстрируемой враждебности во второй половине года по отношению к земским съездам, организации вместе с братом Владимиром, И.Л. Горемыкиным и А.В. Кривошеиным кружка, деятельность которого была направлена против Витте и его политической программы (вскоре после своего назначения управляющим МВД к этому сообществу примкнул П.Н. Дурново)⁶⁵. Не исключено, что под влиянием данных факторов Трепов в декабрьские дни развернул бурную деятельность по информированию придворных кругов о «московской революции», по свидетельству Е.Ф. Джунковской, злорадно приговаривая, что «доигрались земцы»⁶⁶. Вполне возможно, что дворцовый комендант под влиянием товарищей по политическому кружку пытался дискредитировать представителей либеральной общественности, проложивших дорогу «смуте», и Витте, сделавшего ставку на сотрудничество с ними. При этом, естественно, нельзя исключать и случайности подобной линии поведения: так, В.И. Гурко свидетельствовал об особой эмоциональности Д.Ф. Трепова, а

⁶³ Записки графини Е.Л. Камаровской. С. 91.

⁶⁴ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

⁶⁵ Власть и реформы. От самодержавной к Советской России. 2-е изд. М., 2006. С. 483; Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 399–402, 453–454; Любимов Д.Н. Русское смутное время. По воспоминаниям, личным заметкам и документам. 1902–1906. М., 2018. С. 313–314; Либеральное движение в России. 1902–1905. М., 2001. С. 523–525.

⁶⁶ Великая княгиня Елисавета Феодоровна. Документы и материалы. Т. 1. С. 189.

цифра в 10 000 убитых революционеров фигурировала и в мемуарах начальника канцелярии МВД Д.Н. Любимова⁶⁷. Безусловно, окончательное решение данного вопроса зависит от выявления новых источников. Но, так или иначе, настойчивое завышение численности погибших революционеров главным докладчиком дел императору в декабрьские дни укрепляло в монархе уверенность в благополучном исходе «московской смуты».

Почему Николай II все-таки распорядился ночью с 13(26) на 14(27) декабря отправить войска в Москву? Чтобы разобраться в этом вопросе, нужно выяснить, какую информацию о московских событиях император получил 13 числа.

После 11 часов утра царь принимал военного министра Редигера с обычным докладом⁶⁸. Генерал доложил Николаю II телеграмму от командующего войсками МВО Малахова, отправленную 11(24) и полученную в Военном министерстве 12(25) декабря (из-за временного прекращения действия московского телеграфа), о катастрофическом положении московского гарнизона (согласно ей, возможно было выделить лишь по 13 рот пехоты 24-рядного состава для действий против «мятежников» и охраны разных объектов, а кавалерия и артиллерия находились «в наряде» бессменно)⁶⁹. И хотя в дневнике Николай II ни словом не обмолвился о приеме Редигера⁷⁰, видимо, впервые полученные четкие данные о непростом положении, в коем оказались войска в Москве, произвели на него впечатление: на телеграмме Малахова исправлявший должность начальника Главного штаба генерал-майор А.А. Поливанов в тот же день наложил резолюцию, содержащую распоряжение запросить в Управлении военных сообщений Главного управления Генерального штаба сведения о прибытии в Москву 16-го Ладожского пехотного полка, отправленного из Царства Польского 12(25) декабря⁷¹.

К вечеру 13 числа в Москве стало известно, что в ближайшее время Ладожский полк прибыть не сможет из-за забастовки на Московско-Брестской железной дороге, вследствие чего Дубасов в 21 час 10 минут обратился с телеграммой непосредственно к императору. В.Н. Сторожев поставил в один ряд факты ее получения в Царском Селе и принятия решения о посылке Семёновского полка в Москву, однако не воссоздал контекста этих событий и воздержался от анализа содержания телеграммы, ссылаясь на то, что текст не был де-

⁶⁷ Гурко В.И. Указ. соч. С. 400; Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 353.

⁶⁸ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 554; Редигер А. Ф. Указ. соч. С. 545, 550.

⁶⁹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

⁷⁰ Дневники императора Николая II. С. 75.

⁷¹ РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 191.

шифрован⁷². Н.В. Шатина привела содержание послания в диссертации, посвященной истории борьбы московской администрации с революционным движением 1905–1907 гг., однако тоже не ставила вопрос, почему именно эта телеграмма сыграла решающую роль в истории отправки подкреплений в Москву⁷³. Между тем в «решительной телеграмме» (как ее охарактеризовал В. Н. Сторожев, не раскрывая ее содержания) Дубасов извещал Николая II о задержке прибытия Ладожского полка в Москву и «убедительно просил» срочно выслать из Санкт-Петербурга бригаду пехоты; в противном случае, по его заверению, «положение делается тяжелым»⁷⁴. Получив эту телеграмму, Николай II, уже извещенный о малочисленности московского гарнизона, должен был сделать вывод, что его необходимо в ближайшее время усилить войсками, расквартированными именно в северной столице. По всей видимости, обсуждение послания Дубасова и стало предметом экстренной встречи императора с дворцовым комендантом в 22 часа 30 минут (примерно час с небольшим должен был потребоваться для доставки и получения телеграммы из Москвы на Высочайшее имя, ее дешифровки, донесения Трепову и т.д.). Можно утверждать с высокой долей вероятности, что в результате обсуждения сложившейся ситуации в Москве Николай II и повелел составить «записочку» великому князю Николаю Николаевичу об отправке подкреплений из числа частей, представлявшихся императору в Царском Селе, которую должны были доставить во дворец главнокомандующего войсками гвардии и ПВО на Петербургской стороне как раз за полночь⁷⁵. Косвенным подтверждением того, что Николай II принимал итоговое решение под влиянием новых сведений о состоянии московского гарнизона, является сообщение им матери в письме от 15(28) декабря, что «Дубасов настоятельно просил о помощи, потому что московский гарнизон совсем измучился» и что генерал-губернатор «надеется с прибытием двух свежих полков быстро раздавить революцию»⁷⁶.

Любопытно, что, несмотря на получение информации о тяжелом состоянии московского гарнизона, император, видимо, продолжал считать не менее важной причиной просьбы о присылке подкреплений (а быть может, и решающей) нераспорядительность московского

⁷² Сторожев В.Н. Указ. соч. С. 73.

⁷³ Шатина Н.В. Указ. соч. С. 129.

⁷⁴ Революция 1905 года и самодержавие. С. 181.

⁷⁵ О записке царя на имя великого князя упоминает и Г.О. Раух в воспоминаниях, написанных в эмиграции (ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об.). Впрочем, в дневнике, синхронном описываемым событиям, о записке нет ни слова (Дневник Г.О. Рауха. С. 90).

⁷⁶ Переписка императора Николая II. С. 569.

военного начальства, в которой он убедился во время бунта в Ростовском полку. Так, он сообщал матери: «...начальство очень вяло, а главное — Малахов очень стар»⁷⁷.

При этом есть основания полагать, что рассказ, изложенный в мемуарном очерке С.Ю. Витте 1911 г. также имел отношение к действительности, поскольку премьер ночью с 13 на 14 декабря на самом деле находился во дворце великого князя Николая Николаевича. Можно предположить две версии развития событий. Либо Николай II и Трепов по каким-то причинам поручили Витте донести до великого князя волю императора (что представляется сомнительным, так как председателя Совета министров в этот день не было в Царском Селе; царю же было намного удобнее обратиться к двоюродному дяде по телефону или посредством отправки посланца с «записочкой»), либо обеспокоенный Дубасов все-таки обратился к премьеру по телефону, в итоге чего сам Витте связался с Треповым и сообщил о просьбе московского генерал-губернатора. По всей видимости, дворцовый комендант, тесно общавшийся с царем в эти дни, участвовавший в совещании с ним и великим князем Николаем Николаевичем 11(24) декабря и знавший намерения монарха, изложил премьеру мнение Николая II по этому поводу (тем паче, что ранее оно было зафиксировано в резолюции на докладе Малахова о бунте в Ростовском полку). Затем Витте позвонил великому князю, добился согласия на аудиенцию и отправился к нему, причем, по словам премьера, это произошло около 10 часов вечера⁷⁸. Между тем ознакомление Николая II с телеграммой Дубасова во время приёма Трепова в 22 часа 30 минут как раз должно было кардинально изменить мнение царя по вопросу оказания помощи московским властям, результатом чего стала отправка «записочки» на имя великого князя (Витте, который не знал о совещании императора с Треповым, данный шаг фактически трактует как иррациональный).

В эмигрантской мемуарной литературе возникали альтернативные версии принятия решения об отправке подкреплений в Москву: решающее значение приписывалось либо всеподданнейшему докладу С.Ю. Витте (Г.О. Раух)⁷⁹, либо уговорам П.Н. Дурново (данное представление отстаивали бывшие подчиненные главы МВД Д.Н. Любимов и А.В. Герасимов)⁸⁰. Ни одна из этих версий не

⁷⁷ Там же

⁷⁸ Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. С. 401.

⁷⁹ ГА РФ. Ф. Р6249. Оп. 1. Д. 1. Л. 46 об. Этого же мнения Раух придерживался и в декабре 1905 г. (Дневник Г.О. Рауха. С. 90).

⁸⁰ Любимов Д.Н. Указ. соч. С. 351–352; Герасимов А.В. На лезвии с террористами // Охранка. Воспоминания руководителей политического сыска. Т. 2. М., 2004. С. 192.

имеет под собой достаточных оснований: Николай II в период с 8 по 14 декабря не принимал ни Витте, ни Дурново⁸¹; управляющий МВД действительно сыграл роль в отправке войск в Москву, но не Семёновского, а Ладожского полка, обратившись с отношением о необходимости посылки подкреплений в Первопрестольную столицу к военному министру Редигеру⁸². 12(25) декабря Дурново получил телеграмму от Дубасова о необходимости оказания московской администрации военной помощи⁸³, но предпринял ли он какие-либо шаги на этот раз — неизвестно.

Помимо принятия решения о посылке подкреплений в Москву Николай II практически не участвовал в руководстве подавлением Декабрьского восстания. 15(28) декабря он одобрил предложение управляющего МВД о предании захваченных революционеров военному суду⁸⁴, в чем, видимо, определенную роль сыграл А.А. Будберг, заявивший царю, что в Москве «нужно действовать еще интенсивнее» (чем в Прибалтике. — М.А.), так как «нужен пример на всю Россию»⁸⁵. Впрочем, Дубасову в скором времени удалось добиться фактической отмены этого решения⁸⁶. Также 17(31) декабря Николай II повелел запретить носить военный мундир и лишить пенсии отставного генерал-майора П.В. Аверьянова — одного из лидеров забастовавших городских служащих⁸⁷.

Таким образом, по вопросу, имеющему особую важность для исхода Декабрьского вооруженного восстания в Москве, — о присылке местным властям военных подкреплений из Санкт-Петербурга — император Николай II долго не мог принять определенного решения вследствие, прежде всего, своей плохой осведомленности о состоянии гарнизона Первопрестольной столицы и характере революционного движения (монарх получал сведения об очень больших потерях дружинников). Причины неполноты знаний царя об обстановке в Москве были достаточно серьезными: недостаточная информированность о происходившем самих московских властей вследствие слабости административного аппарата, их стремление представить положение и собственные действия в более благоприятном свете, чем это было в действительности, недостатки в организации военной силы (отправка большей части гарнизона на Дальний Восток

⁸¹ РГИА. Ф. 516. Оп. 219/2728. Д. 21. Л. 525–554.

⁸² РГВИА. Ф. 400. Оп. 3. Д. 2617. Л. 184.

⁸³ Высший подъем... С. 676.

⁸⁴ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 237. Д. 93. Л. 12.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 859. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 об.

⁸⁶ Революция 1905 года и самодержавие. С. 41–42.

⁸⁷ ЦГА Москвы. Ф. 16. Оп. 233. Д. 49. Л. 8.

из-за отсутствия подготовленных резервов, использование значительной части солдат на нестроевые нужды и т.д.), возможно, борьба в правительственных верхах, заставлявшая ее участника дворцового коменданта Д.Ф. Трепова сообщать царю сведения, которые могли бы скомпрометировать С.Ю. Витте.

В декабрьские дни ярко проявилась такая черта стиля руководства Николая II, как стремление возложить решение текущих политических задач на исполнителей: представляя обстановку в Москве со слов Трепова и П.Н. Дурново и не воспринимая ее как критичную, он не считал нужным вмешаться в ход событий и запросить сведения о ситуации в Москве лично (хотя вплоть до 13(26) декабря не был удовлетворен сообщенными ему сведениями о потерях в рядах революционеров), хотя и «держал руку на пульсе». Возможно, в оттягивании Николаем принятия решения об отправке войск сыграло роль и нараставшее на протяжении 1905 г. его недовольство действиями представителей властного аппарата, которых он упрекал в безынициативности и уступчивости. В целом, во время Московского восстания рельефно проявился негативный эффект от отсутствия «объединенного правительства»: решение вопросов военного характера зависело не от Совета министров, члены которого могли бы выработать согласованные меры для противостояния «мятежу» и добиться претворения их в жизнь, а от императора, получавшего неполную информацию и прислушивавшегося к мнению санкт-петербургских военных (глава ПВО великий князь Николай Николаевич выступал как сила, практически не подконтрольная Военному министерству). В результате решение о подкреплениях было принято лишь 13(26) декабря, после того как в результате «энергичных мер» московских властей, принятых в условиях слабости собственных силовых ресурсов, уже погибли сотни москвичей.

References

Bushnell J. *Mutiny amid Repression: Russian Soldiers in the Revolution of 1905–1906*. Bloomington, Indiana: Indiana University Press, 1985. IX, 334 p.

Kuksin A.I. *Boyegotovnost' russkoy armii i voyenno-okruzhnoy apparat v nachale XX veka (1904–1913 gg.): po materialam Moskovskogo voyennogo okruga. Dissertatsiya ... kanidata istoricheskikh nauk* [Combat Readiness of the Russian Army and Military District Apparatus in the Early 20th Century (1904–1913): Based on the Materials of the Moscow Military District: PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: MGPU, 2001. 230 p.

Mel'nikov A.B. *Revolutsionnoye dvizheniye v voyskakh Moskovskogo garnizona v period Dekabr'skogo voozuzhennogo vosstaniya* [Revolutionary Movement in Troops of the Moscow Garrison during the December Armed Uprising] // *Istoricheskiye zapiski*. Vol. 49. Moscow: AN SSSR, 1954. P. 265–298.

Pervaya revolyutsiya v Rossii. Vzglyad cherez stoletie [First Revolution in Russia. A View through the Century] / Ed. by A.P. Korelin, S.V. Tyutyukin. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2005. 602 p.

Sanders J. *The Uprising of December 1905*. New York: Garland, 1987. 886 p.

Shatina N.V. *Mestnyy gosudarstvennyy apparat samoderzhaviya v bor'be s pervoy rossijskoy revolyutsiyey (na primere Moskvyy)*. *Dissertatsiya ... kanidata istoricheskikh nauk* [Local State Administration of the Autocracy in the Struggle against the First Russian Revolution (Moscow Case): PhD Candidate Diss. in History]. Moscow: Moskovskiy gosudarstvennyy istoriko-arkhivnyy institut, 1989. 227 p.

Storozhev V.N. *Dekabr'skoye vooruzhennoye vosstaniye (Po arkhivnym materialam)* [The December Uprising (Based on Archival Materials)] // *Dekabr'skoye vosstaniye v Moskve 1905 g. Illyustrirovannyy sbornik statey, zametok i vospominaniy*. [The December Uprising in Moscow in 1905. An Illustrated Collection of Articles, Notes and Reminiscences] / Ed. by N. Ovsyannikova / *Materialy po istorii proletarskoy revolyutsii* [Materials on the History of the Proletarian Revolution]. Collection 3. Moscow: Gosudarstvennoye izdatel'stvo, 1920. P. 60–207.

Vlast' i reformy. Ot samoderzhavnoy k Sovetskoy Rossii [Power and Reforms. From Autocratic to Soviet Russia] / Ed. by B.V. Anan'ich. 2-nd ed. Moscow: OLMA-PRESS, 2006. 733 p.

Yakovlev N.N. *Vooruzhennyye vosstaniya v dekabre 1905 goda* [Armed Uprisings in December 1905]. Moscow: Gospolitizdat, 1957. 549 p.

Поступила в редакцию
25 февраля 2022 г.